

Управляя «клубом джентельменов»*

Моник Берлю

АННОТАЦИЯ

Воспоминания Моник Берлю, многолетнего директора МОК, о своем сотрудничестве с президентами МОК. Пути становления секретариата МОК от Пьера де Кубертена до Томаса Баха.

Ключевые слова: секретариат МОК, президенты МОК, канцлер МОК.

ABSTRACT

Memoirs of Monique Berliu, the long-term IOC Director about cooperation with the IOC Presidents. Ways of development of the IOC Office from Pierre de Coubertin to Thomas Bach.

Keywords: IOC Office, IOC Presidents, IOC Chancellor.

ИЗ МЕМУАРОВ МОНИК БЕРЛЮ – ДИРЕКТОРА МОК С 1969 ПО 1985 г.

В 1964 г. у меня вышла книга по истории Олимпийских игр под названием «Олимпиака». Спустя три года я начала задумываться о превращении ее в сценарий. Я понимала, что мне будет нужна поддержка, по крайней мере, продюсера. Я поговорила с моей подругой Мириам Мьюли, которая свободно владела двумя языками и работала секретарем в Международном олимпийском комитете (МОК), она также была редактором Олимпийского бюллетеня (Olympic Bulletin). Мириам посоветовала мне обратиться к господину Килланину, члену МОК для Ирландии с 1952 г. Он был только что назначен председателем вновь созданной комиссии МОК по прессе. Килланин сразу же пригласил меня на заседание комиссии в Лондон.

После недавнего перелома лодыжки в трех местах меня вкатили в зал заседаний в инвалидной коляске. При виде меня смолкли все разговоры. Господин Килланин восседал в кресле с трубкой во рту, серебряный браслет-цепочка позвякивал на его правом запястье. Он был человеком сплошных округлостей, с розовой кожей и вьющимися серебристыми волосами. Белые бакенбарды обрамляли его пухлые щеки. Он был одет в темно-синий костюм, светло-голубую рубашку и лимонного цвета вязаный галстук.

Господин Килланин обратился ко мне на английском, уверенный, как и все англоязычные ораторы, что их язык является универсальным. Это меня не испугало. Но тогда я не знала, что у господина Килланина было своеобразное произношение в лучших традициях выпускника колледжа Магдалины в Кембридже: он бормотал, понизив голос, заикаясь и запинаясь.

С одной стороны от него сидел господин Люк Пейвенхэм, англичанин голубых кровей. Во время он занимался судьбой Бовриль, и Гайд-парк отель, в котором мы находились, принадлежал ему. Это был человек среднего роста, плотный, с обаятельной улыбкой и густыми бровями, за которыми прятался сверкающий взгляд.

Еще присутствовал Хайнц Шёбель из Германской Демократической Республики, коммунист, «антинацист». Его лицо, как и тело, выглядели нервно и истощенно. Шёбеля сопровождал переводчик.

Граф Жан де Бомон был четвертым членом комиссии. К сожалению, на заседании он отсутствовал. Я возлагала все надежды на своего соотечественника, но он не пришел...

Пятым в этой маленькой комнате со стенами бледно-зеленого цвета был генеральный секретарь МОК полковник Иоганн Вестерхофф – голосистый гигант с соломенного цвета волосами, широкой улыбкой, румяными щеками и голубыми глазами.

Семеро джентельменов и женщина-директор – первое заседание исполкома МОК 2 февраля 1973 г. при президентстве лорда Килланина (слева направо): принц Такеда, Хуан Антонио Самаранч, Константин Андрианов, граф де Бомон, лорд Килланин, Херман ван Карнебик, Сильвио де Магалкаес Падилья. Стоят: Моник Берлю и советник Артур Такач. Отсутствуют: сэр Адемолу и третий вице-президент Вилли Дауме
Фото из архивов МОК/ЦОИ

*Перепечатано из: Journal of Olympic History. – 2015. – Vol. 23, N 1. – P. 8–14.

Моник Берлю представляла Францию в плавании на Олимпийских играх в 1948 г. До своего приезда в Лозанну в 1967 г. она работала спортивным журналистом и руководила отделом прессы Министерства молодежи и спорта. С 1969 по 1985 г. занимала должность директора МОК. После отъезда из Лозанны в 1985 г. консультировала Париж для участия в конкурсе на проведение Игр-1992. Муж Серж Груссар – писатель и бывший боец Сопротивления, который побывал в застенках гестапо в 1943 г.

Фото: Альберт Райтхаусен. Французская Ассоциация международного плавания

После изложения основных положений моего проекта Вестерхофф, человек общительный и смешливый, по очереди с господином Килланином начали подробно расспрашивать меня. Я рассказала о путях и средствах реализации проекта, т. е., о деньгах. Мне пришлось признать, что за брендом МОК не стояло ни цента. Все, что мне могут здесь предложить, это патронаж, благословение и поддержку. Для меня эта ситуация стала тупиковой.

Провожая меня до двери, Иоганн Вестерхофф предложил мне занять в МОК должность пресс-атташе и директора по связям с общественностью. «Вам было бы это интересно?», – спросил он. «Да, конечно», – ответила я. Два месяца спустя он пригласил меня приехать в Лозанну. Это был конец мая. В то время, как и во времена Пьера де Кубертена, штаб-квартира МОК по-прежнему находилась в усадьбе, известной как Мон-Репо, расположенной в парке в центре города.

По прибытии в Мон-Репо Иоганн Вестерхофф тепло приветствовал меня в превосходном офисе, пахнущим полиролью для мебели. Библиотека Пьера де Кубертена занимала две стены комнаты. Мы быстро пришли к обоюдному согласию. Я должна была приступить к работе 1 августа 1967 г.

Итак, началась моя карьера в МОК. Объем работы там был непомерный, а время нахождения в офисе четко контролирова-

лось. Двери Мон-Репо решительно закрывались с полудня до двух часов, и затем снова ровно в шесть часов. Я же всегда любила работать в святое время ланча и вечером, когда, наконец, телефоны становились менее назойливыми. Теперь это не подвергалось обсуждению. Никому также не разрешалось входить в здание в субботу.

Так, в пятницу вечером, закончив работу, я сидела в поезд, следующий в Париж. Мой муж, Серж Груссар, ожидал меня в Гар де Лион в 11 часов вечера, и мы отправлялись поесть устриц. Я любила суету и волнения Парижа, его круглосуточный ритм жизни.

Лозанна в конце 1960-х годов была совсем иной, нежели Париж. К счастью, работа захватывала меня настолько, что не оставалось времени ни на что другое. Я многое узнала о городе в первые несколько недель работы в МОК. Вечером, когда магазины закрывались в двадцать девять минут седьмого, город пустел, как будто его кровь высасывал вампир.

С парковкой автомобиля рядом с местом работы не было никаких проблем, в отличие от Парижа, я оставляла его даже на тропинке. Надо было только делать это в специально отведенных для стоянки автомобилей местах. Все местные жители были полицейскими в душе и «цеплялись» к первому же прохожему за самое мелкое правонарушение. А у меня был акцент, французский ак-

цент, узнаваемый на расстоянии, и от которого не было возможности избавиться.

В полдень рестораны заполнялись мужчинами (в вечернее время на девять десятых обедали только мужчины). Женщинам была уготована участь домработниц, т. е. они должны были заниматься домом и держаться подальше от вопросов бизнеса. Во время моей первой зимы в городе синдик (мэр) Лозанны Пьер-Андре Шевалья давал официальный обед для членов МОК, которые оказались в то время в Лозанне. Я тоже была среди приглашенных. Один из участников обеда, служащий муниципалитета, был поражен, что я нахожусь в Лозанне, в то время как мой муж был в Париже. «Но кто стирает там ему рубашки?» – спросил он. «К сожалению», – ответила я, – он женился не на уборщице». Я сразу же попала в категорию парий (отверженных).

Тем не менее я пришла к выводу, что ценю доброту тех швейцев, с которыми мне пришлось контактировать в течение многих лет, и восхищаюсь их искренностью, способностью к тяжелой и хорошо выполненной работе, их духом сотрудничества.

Побывав в Швейцарии, Пьер де Кубертен был очарован этой маленькой законопослушной, трудолюбивой, стойкой страной. Для него ее политическая организация представляла собой идеал управления. В своей «Универсальной истории» он писал: «В своем

Швейцарец Андре Г. Бердэ (1888–1940), подполковник артиллерии, одержал победу над своим молодым соотечественником Фредом Окенталером в борьбе за пост секретаря МОК в 1925 г. Когда в 1939 г. Бердэ серьезно заболел, то в Лондоне, на сессии МОК в июне, его представлял назначенный преемник – немец Вернер Клингберг
Фото из архива Фолкера Клюге

С 1929 г. Лидия Занки (1905–1993) работала внештатным сотрудником секретариата МОК. До 1946 г. она вела дела на общественных началах. После Второй мировой войны стала штатным сотрудником по распоряжению нового президента МОК Зигфрида Эдстрёма
Фото из архивов МОК/ЦОИ

нынешнем виде Гельветская Конфедерация представляется самым совершенным политическим достижением в истории человечества». Кроме того, он был связан тесными личными узами дружбы с двумя гражданами Швейцарии – Бароном Годфруа де Блоне и Франсисом Мессерли. Де Блоне, египтолог, познакомился с Кубертенем в Париже во время проведения научных исследований в Лувре. Мужчины хорошо поладили. Оба принадлежали к одному и тому же общественному слою и исповедовали одну и ту же культуру. В 1899 г. барон де Блоне, которому принадлежал Шато де Грэнсан, расположенный недалеко от Невшателя, был назначен Пьером де Кубертенем членом МОК для Швейцарии.

В 1922 г. руководство столицы кантона Во предложило разместить штаб-квартиру МОК в Мон-Репо – во владении, приобретенном коммуной в 1910 г. за сумму в два миллиона швейцарских франков. Недвижимость была оформлена путем приобретения различных виноградников, а первое здание было построено в 1747 г. месяце Секретаном – Генеральным контролером.

На протяжении многих лет замок Мон-Репо сдавался в аренду многочисленным английским и немецким дворянам, в том числе князю Ресс-Грецу, предку второй миссис Эйвери Брэндедж. В парке размещался театр, где в свое время ставились трагедии и комедии Вольтера, в том числе «Заира», в присутствии самого философа и для его гостя – английского историка и члена парламента Эдварда Гиббона, который жил в Лозанне на протяжении многих лет.

Наполеон Бонапарт бывал здесь в 1800 г. по пути в Италию. Здесь останавливались многие европейские дворяне: от братьев Бонапарта до сыновей короля Франции Луи-Филиппа, от прусских князей до короля Испании Альфонсо XIII и будущего английского короля Эдуарда VII.

Соглашение от 1922 г. было автоматически продлено до 1935 г. Власти Лозанны оставили за собой второй этаж для приемов. Это позволило МОК использовать третий этаж, состоящий из прекрасного зала заседаний, обширного офиса с видом на парк и трех или четырех небольших комнат. Четвертый этаж, где де Кубертен проживал до конца своей жизни, где спасался от гнева своей супруги, был преобразован в Олимпийский музей. Смотритель размещался на первом этаже.

В промежутке между двумя сессиями здесь уютно располагалась олимпийская администрация (название виллы Мон-Репо значит «Мое успокоение»). Во время Олимпийских игр администрация перебиралась в город, в котором проходили Игры.

Большую часть своей жизни Кубертен брал на себя решение всех административных задач, а в 1922 г. швейцарец Фред Окенталер был назначен канцлером (главой канцелярии), взяв часть полномочий на себя. Окенталер ушел в отставку в 1925 г., когда ему на смену пришел Андре Г. Бердэ – подполковник швейцарской армии, который умер в 19 января 1940 г. С тех пор до 23 июня 1946 г., когда Отто Майер принял на себя обязанности канцлера, г-жа Лидия Занки (швейцарка русского происхождения) занималась делами секретариата и вела их с большой эффективностью и компетенцией на протяжении всей Второй мировой войны, обеспечивая контакты между членами противоборствующих лагерей и отправляя циркуляры от графа Анри де Байе-Латура во все уголки мира.

Отто Майер был «завербован» Зигфридом Эдстрёмом, который в 1946 г. стал президентом МОК. Его также рекомендовала Лидия Занки. Его брат, Альберт Майер, стал членом МОК. Отто и Альберт, родившиеся и выросшие в кантоне Во, были известными ювелирами в Лозанне и Монтрё соответственно. Обладание процветающим бизнесом в сфере торговли предметами роскоши дало возможность Отто

заниматься работой канцлера на квази-общественных началах. «Отто Майер, – вспоминал лорд Килланин в книге «Мои олимпийские годы», – вел дела МОК в задней комнате своих магазинных помещений и в баре по соседству с отелем». Кроме того, он был «веселый добрый молодец», и был также в почете, как «у пьющих виски, так и почитателей местного белого вина».

Отто очень хорошо ладил с Зигфридом Эдстрёмом. Когда Эйвери Брэндедж стал президентом, он оставил Отто на своем посту с окладом 500 швейцарских франков в месяц. Все шло хорошо на протяжении первых нескольких лет. Но затем Отто сблизился с Дэвидом Бэргли (будущим маркизом Эксетером) и французским журналистом Гастоном Мейером. Это был взрывоопасный коктейль. Эйвери Брэндедж не воспринял эту швейцарско-британскую дружбу, так как не понимал, почему статьи Гастона Мейера в газете «L'Équipe» всегда содержали конфиденциальную информацию, причем о намерениях и ходе голосования в МОК журналист знал больше, чем сами члены.

Отто был обручен с довольно молодой продавщицей Мириам Мьюли – дипломированным секретарем, которая, возможно, более симпатизировала олимпизму, чем торговле ювелирными изделиями. Брэндедж проявил очень серьезный интерес к новенькой сотруднице, которая сопровождала его во время поездок в качестве переводчика, а также держала его в курсе всех дел. Ее высокий, стройный стан радовал глаз Эйвери Брэндеджа. Жан де Бомон ухаживал за ней. Но все это были сплетни старой гвардии во главе с лордом Дэвидом.

Отто не был счастлив. Мадам Занки скрипела зубами. Отношения между президентом и канцелярией испортились. Эйвери критиковал Отто за его взгляды, и, прежде всего, за его поддержку Эксетера до такой степени, что Отто ушел в отставку в 1964 г. По его утверж-

Заседание исполкома МОК при президенте Эйвери Брэндедже (в центре) в июне 1964 г. в Лозанне. На фото слева—направо от Брэндеджа Мириам Мьюли (1936–2010), из офиса которой пришла в МОК Моник Берлю, вице-президент Арманд Массард, маркиз Эксетер. На переднем плане: Лидия Занки и канцлер Отто Майер (1900–1970). На этой встрече Майер собирался опровергнуть слухи о своей отставке. Свои отношения с Брэндеджем он расценил как «отличные»
 Фото из архивов МОК/ЦОИ

дению, у него было слишком много работы, и он запустил свой собственный бизнес. Тем не менее он оставался в этой должности до конца Олимпийских игр в Токио в 1964 г. для того, чтобы встретиться с преемником.

От титула «канцлер» решили отказаться как от слишком претенциозного, и было выбрано название «генеральный секретарь». Работа секретариата выглядела великолепно на бумаге, но плохо оплачивалась. Кандидаты на эту должность, которые были в курсе предыдущих превратностей, отказывались от этой должности. В конце концов Марк Ходлер, второй человек в МОК, порекомендовал Эрика Йонаса — бывшего дзюдоиста, который стал новым сотрудником. Он был родом из Лозанны. Йонас приступил к работе с 1 сентября 1964 г.

Йонас — хотя и был уважаемым функционером в Федерации дзюдо — вошел в аристократическую среду олимпизма полутонов и недосказанности со всей «тонкостью», достойной швейцарского крестьянина. Он то пытался уговорить уйти с «пути несправедного» одних членов, то вызывал раздражение у других, считая себя почти посланником божественных помыслов. Сразу же он заказал вымпел с олимпийскими кольцами и установил его на своей машине. Эйвери Брэндедж не прибегал к использованию символики колец; другие времена, другие обычаи. Он упрекал провинившегося Йонаса в недвусмысленных выра-

жениях. Еще два или три подобных ляпа — и президент потеряет терпение.

Едва закончились токийские Игры-1964, ситуация усугубилась. В апреле следующего года исполком единогласно решил отказаться от услуг генерального секретаря. Что касается Йонаса, он понимал все это совсем по-другому и подал на МОК в суд, требуя заработную плату за четыре года.

Несмотря на все усилия Марка Ходлера загладить ситуацию, все пошло прахом. Эйвери Брэндедж переложил на него всю ответственность. Местная пресса заняла сторону Йонаса. Она яростно нападала на МОК и Брэндеджа. В 1965 г. жители Лозанны еще не забыли тот факт, что их родной город не был выбран местом проведения Игр-1960, что, по их мнению, было оскорблением. МОК выбрал Рим. Эйвери Брэндедж стал персоной нон грата в столице кантона.

После казуса с Йонасом, МОК и его исполком решили не повторять ту же ошибку, привлекая к работе кого-либо из местных. Шли месяцы поиска замены Йонасу. Мадам Занки, у которой было звание секретаря при Отто Майере, была дана должность временного генерального секретаря. Правда, на этот раз не возникал вопрос о том, что на место Эрика Йонаса будет назначена женщина. В Швейцарии женщины только недавно получили право голосовать на кантональном, но не на федеральном, уровне, и выбор зани-

маемых ими должностей был весьма ограничен. 26 августа 1920 г. в Конституцию США были внесены поправки для ратификации голосов в защиту прав женщин, а Франция последовала этому примеру только поколение спустя — 21 апреля 1944 г. Невероятно, но в Швейцарской Конфедерации этого пришлось ждать аж до 7 февраля 1971 г.

Лидию Занки горячо поддерживала привлекательная Мириам Мьюли, которая в 1967 г. ушла в отставку из-за разногласий с генеральным секретарем. Впоследствии она возобновила свою учебу и стала известной журналисткой.

В качестве преемника Йонаса голландцы Йонкхиер Херман ван Карнабик и полковник Пауд де Мортанж предложили своего соотечественника Иоганна Вестерхоффа. Родившийся в Джакарте и прошедший обучение в Военной академии Нидерландов, Вестерхофф был успешным бизнесменом, который после отставки отправился на свою ферму в Граббе (кантон Аппенцель), чтобы объезжать лошадей, скорее в качестве хобби, а не профессиональной работы. Он был представительным мужчиной с множеством спортивных интересов, говорил на нескольких языках. На Брэндеджа произвели впечатление как его военная выправка, так и лингвистические таланты. Президент согласился встретиться с ним, но добавил, что окончательное решение останется за исполкомом МОК. Таким образом, кандидат был вызван в Рим, где в 1966 г. должна была состояться 65-я сессия МОК.

Полковнику Вестерхоффу пришлось прождать какое-то время в приемной, прежде чем его, наконец, представили. Его вступительная речь была краткой: «Г-н президент, члены комитета, спасибо за то, что выбрали меня в качестве генерального секретаря».

Сказать, что члены были ошарашены апломбом кандидата, было бы преуменьшением. Маркиз Эксетер был первым, кто, проявив остроумие, приветствовал голландца. Его коллеги могли только последовать его примеру.

Полковник Иоганн Вестерхофф был первым нешвейцарцем во главе администрации МОК. Как и Йонасу, ему было присвоено звание генерального секретаря. Оказавшись в должности, полковник быстро приступил к внедрению новшеств. Он решил увеличить количество сотрудников и придать большее значение администрации. Вестерхофф хотел, чтобы был создан «правильный» генераль-

ный секретариат в Швейцарии, а не в Чикаго, откуда Брэндедж управлял делами МОК.

Проанализировав возможности Мон-Репе и Лозанны, он принял решение о том, что Цюрих был бы намного более подходящим местом, чтобы принять олимпийское движение. Цюрих обладал международным аэропортом, которого не было в столице кантона Во; надо ехать в Женеву за шестьдесят километров, чтобы попасть на самолет. Также Цюрих, как крупнейший город в Швейцарской Конфедерации, находился в центре Европы. Что Вестерхофф не упомянул, так это то, что Цюрих был всего в тридцати километрах от его фермы в Граббе.

Таким образом, он развернул свою кампанию за смену резиденции. Крики протеста звучали отовсюду. Жители кантона не могли понять, почему их лишали единственной международной организации в кантоне, их, которые всегда оказывали такое щедрое гостеприимство МОК.

Брэндедж, с которым не посоветовались прежде, чем начать переговоры с немецкой Швейцарией, начал неодобрительно поглядывать в сторону растущего самоуправления администрации, выходящей из сферы его контроля.

14 апреля 1967 г. муниципалитет разослал письма всем членам МОК, чтобы пожаловаться на действия генерального секретаря. Обратившись к истории отношений между Лозанной и МОК, власти Лозанны пообещали найти удовлетворительное решение в связи с необходимостью увеличения площади штаб-квартиры. Был предложен Шато де Види, двухэтажный загородный особняк на окраине города. По стечению обстоятельств, как и в случае с Мон-Репе, Наполеон тоже останавливался там в 1800 г. перед началом итальянской кампании.

Преимущество Види заключалось в том, что, с одной стороны, он был расположен недалеко от автомагистрали, что позволяло добраться до аэропорта Женевы за тридцать минут, а с другой — вблизи находилась Вилла Грётц, всего в 500 метрах от «замка». Не было предложений лишь по размещению музея, который пришлось оставить на третьем этаже Мон-Репе.

В дополнение к бесплатной аренде за использование Шато де Види, муниципалитет предложил платить за отопление и электроэнергию. Учитывая шаткость своих ресурсов, МОК был не в том состоянии, чтобы создавать себе проблемы. Тем не менее

новая штаб-квартира, как оказалось, была непрактичной с точки зрения офисов, расположенных на крайнем западе города. Тем членам секретариата, у которых не было автомобиля, приходилось полагаться на автобус, который останавливался почти в миле от замка, и который ходил через каждые полчаса. Здание находилось в центре квадрата, образованного с одной стороны автомагистралью, а с других — кладбищем, где было предано земле тело де Кубертена (сердце было похоронено в Олимпии), очистными сооружениями и кемпингом.

После того как решение было принято, весной 1968 г., после закрытия Игр в Гренобле, состоялся переезд. С отъездом из Мон-Репе была перевернута страница в истории Олимпийских игр. Я всегда сожалела о том, что покинула это прекрасное элегантное здание, так идеально расположенное в центре города. Средства, затрачиваемые на Шато де Види муниципалитетом и МОК, можно было бы использовать, чтобы превратить Мон-Репе в идеальную штаб-квартиру.

Едва завершились Игры в Гренобле, Вестерхофф начал мировое турне для того, чтобы посетить многие национальные олимпийские комитеты, которые под давлением Джулио Онести, члена МОК для Италии, желали избежать опеки МОК. Для Эйвери это стало последней каплей. Это была прерогатива президента и только президента, чтобы совершать такие вояжи и вести себя как глава государства. Он не смог больше терпеть такие посягательства на свой авторитет. Это был акт оскорбления величия. И, более того, от наемного работника!

В то время пропасть отделяла «волонтеров» от персонала, пропасть, которая, как ни странно, до сих пор существует, хотя и в меньшей степени. В олимпийском движении был только один класс спортивных функционеров — ключевых фигур, которые отдавали свое свободное время без вознаграждения. Любой наемный работник считался «профессионалом» и не пользовался правами «волонтеров». Это отношение выглядело вполне логично во времена де Кубертена. Оно определяло независимый статус добровольцев, тогда как рабочая сила была подневольной.

У Йохана Вестерхоффа было другое мнение. За эти недели отношения между президентом и генеральным секретарем ухудшились, и во время сессии, предшествующей Играм в Мексике в 1968 г., эти двое едва разговаривали. Оба проживали в роскошных

После отставки генерального секретаря МОК Эрика Йонаса, голландский промышленник Йохан В. Вестерхофф (1915–1994), проживавший в Швейцарии, был назначен его преемником. Родившийся в Джакарте, Вестерхофф был высококлассным спортсменом в показательных прыжках и надеялся выступать за олимпийскую национальную сборную Нидерландов в 1940 г. В 1965 г. он выстроил конюшню в Граббе в кантоне Аппенцель. После продолжительной критики его работы в МОК, он объявил о своей отставке

Фото из архивов МОК/ЦОИ

апартаментах в разных концах огромного отеля Камино Реал. Я выступала в качестве посыльного между ними, передавая сообщения.

После того как Брэндедж был переизбран на сессии в Мехико, его не оставляла мысль отослать голландца назад, на его ферму. И он этого добился 21 января 1969 г., отправив его в отставку после нескольких часов обсуждения. Швейцарцы Альберт Майер и Марк Ходлер, а также египтянин Тахер Паша, приняли участие в переговорах и оказали Брэндеджу свою поддержку. Было сделано официальное заявление. И вследствие этого на меня была возложена ответственность за управление делами на временной основе до той поры, пока не будет приглашен новый, менее амбициозный генеральный секретарь. И снова название должности пришлось изменить для того, чтобы избежать путаницы в функциональных обязанностях, необходимых для этой должности. На сессии в Мексике в 1968 г. Брэндедж назначил генерала Кларка (Мексика) в качестве председателя по координации с Комитетом по надзору, которому не только поручили вновь реорганизовать структуры МОК и его отношения с национальными олимпийскими комитетами и международными федерациями, но также и с его администрацией.

Вице-президент МОК Хосе де Кларк Флорес был сыном американского отца и матери-индианки. Обладая незаурядным умом, ему удалось не только сделать карьеру в армии, дослужившись до звания генерала, но

В честь 50-й годовщины МОК город Лозанна был награжден олимпийским кубком. Но только на первой послевоенной сессии МОК в Лозанне президент МОК Зигфрид Эдстрём смог вручить кубок Пьеру Граберу – мэру города. Справа от Зигфрида Эдстрёма – новый канцлер МОК Отто Майер
 Фото из архивов МОК/ЦОИ

и на гражданском поприще, сколотив значительное состояние в строительном бизнесе. Эйвери поддразнивал его, называя «бесшабашным», который добивался успеха через фаворитизм. У них с Эйвери был процветающий бизнес, в частности, в Баджо в Калифорнии, на севере Мексики. Он мечтал сыграть большую роль в олимпизме, и, кто знает, добился бы успеха при Брэндедже, но он, к сожалению, говорил только по-испански.

У меня в памяти остался мой первый контакт с Кларком, который оказался трудным, но предельно ясным. Он пожаловался в довольно невежливой форме на статью, которую я написала для Информационного бюллетня МОК. Я ему резко ответила, что так все оно и было, в ярости найдя достаточно испанских слов для этой цели. Он был так ошеломлен, что женщина, и, более того, работник персонала, посмела с ним так обращаться, что смягчился. В конце концов мы пришли к обоюдному пониманию и уважению друг друга, и в дальнейшем плодотворно сотрудничали.

Комиссия генерала Кларка подготовила программу по реорганизации, которая была принята на сессии. В ней более не предусматривался пост генерального секретаря. Вместо этой должности обязанности были распределены между тремя директорами: один для административной работы, другой должен был заниматься информацией и пропагандой, а третий отвечал за техническое обеспечение. Таким образом, у назначенных лиц не будет соблазна уподобить себя генеральному секретарю ООН, и не забывать, что только президент управляет всем.

Три должности, предусмотренные организационной структурой генерала Кларка, должны были быть заполнены в 1969 г.; а все это время я временно работала администратором и параллельно в пресс-службе.

Эйвери Брэндедж, скрепя сердцем, одобрил назначение директора по техническому обеспечению, но не стал торопиться с решением по назначению директора по административной работе, предпочитая статус-кво, несмотря на давление некоторых членов исполкома, которые не верили, что я смогла бы справиться с двумя функциями.

Мои отношения с Брэндеджем были всегда безоблачными. Наши роли были четко распределены: он председательствовал, царствуя над всем, а я организовывала и претворяла в жизнь его решения на практике. Это не останавливало меня от высказывания своего мнения, время от времени не соглашаясь с ним. Но как только решение было принято, я подчинялась ему. Хотя иногда мне удавалось повлиять на него.

После окончания работы Эйвери нравилось, чтобы я сопровождала его для обеда в ресторан. С одной стороны, он хотел бы избежать своей монополизации каким-либо членом МОК, а с другой – любил расслабиться после заседаний и переключиться на другие темы. Фредерик Ругзеггер, швейцарский немец, которого он пригласил на работу в 1950 г., следовал за ним повсюду в качестве его личного секретаря, дворецкого и правой руки. Мы втроем ходили вместе на неофициальные обеды и ужины, рассказывали друг другу истории, которые перемежались громкими криками и смехом. Сколько раз я ловила на себе удивленные гневные взгляды других членов МОК, шокированных тем, что их президент, должно быть, роняет свое достоинство, опускаясь до общения с обслуживающим персоналом...

С лордом Килланином наши профессиональные отношения были сразу же построены на доверии, которое, я полагаю, было обоюдным. Но в течение восьми лет его президентства наши личные контакты не

были частыми. В моих глазах это было двойное преимущество: во-первых, никто не мог меня в чем-либо упрекать, и, во-вторых, я была свободна в выборе, с кем съездить обед и ужин, при условии, что не было никаких официальных общественных мероприятий. В период между заседаниями лорд Килланин регулярно выходил на работу в Види в течение двух или трех дней, и мы выполняли за это время большой объем работы. Остальную часть времени мы обменивались бесчисленными телексами и меморандумами. Здесь снова проходила четкая «демаркационная линия»: он определял политику, я ее осуществляла. Он часто интересовался моим мнением, в частности, о содержании речей, которые должен был произносить. Поиск новых идей доставлял нам большое удовольствие. У нас, конечно, были разногласия, хотя сегодня я с трудом могу их вспомнить.

После назначения лорда Килланина на него, безусловно, было оказано давление, чтобы отправить меня в отставку. Какое-то время он и сам так считал. Сама мысль о женщине на руководящем посту казалась ему невозможной. Но не прошло и недели, как он увидел преимущества данной ситуации и все-таки решил работать с женщиной – пусть буду, скорее, я, чем рисковать получить еще одного Йонаса или полковника Вестерхоффа, который будет менее гибким. Кроме того, следует принимать во внимание экономию – зарплата женщины, естественно, была ниже, чем у мужчины!

После подписания официального акта, который узаконил размещение МОК в Лозанне 10 апреля 1915 г., между его президентами и муниципалитетом официальные встречи были не столь частыми. В любом случае, Эйвери Брэндедж, и вслед за ним лорд Килланин, поддерживали хорошие отношения с мэрами исключительно из своего офиса: Пьер Грабер, Жорж-Андре Шеваля и Жан-Паскаль Делямюра, все трое впоследствии стали членами парламента и каждый, в свою очередь, становился президентом Конфедерации. Хотя встречи не были частыми, город выполнял свой контракт с МОК по предоставлению бесплатного размещения, отопления и освещения. МОК, в свою очередь, обеспечивал высокий статус Лозанны путем организации встреч и мероприятий, которые были в центре внимания членов высшего общества и международной прессы.

Если Эйвери Брэндедж и думал когда-то о перемещении штаб-квартиры МОК из горо-

да, он никогда не воплотил это намерение в жизнь. Таким же образом, и лорда Килланина не очень заботила теснота помещений и комфорт его обитателей. К тому, чтобы переехать из Лозанны, его также настойчиво призывал Джулио Онести. Член МОК для Италии предложил ему превосходный дворец в Риме и обещал от имени итальянского правительства создать своего рода спортивный Ватикан.

Вилли Дауме, один из немецких членов МОК, терпеть не мог Лозанну, где, как ему казалось, всегда шел дождь, и он написал лорду Килланину в 1974 г.: «Я был и всегда остаюсь абсолютно против Лозанны. Город полностью непригоден в качестве штаб-квартиры для самой известной спортивной организации в мире».

Что касается Хуана Антонио Самаранча, он нашел определенные преимущества для себя в этой ситуации. Прежде всего, еще задолго до 1980 г. он собирался выехать из Испании, где, как он считал, нападения на видных персон стали слишком частыми для его безопасности. А Швейцария была бы идеальным местом для проживания. Вот только надо получить вид на жительство для себя и своих близких и поселиться с семьей в этом безопасном месте, переведя туда свое состояние. Кроме того, в связи со смертью Франко, Швейцария была идеальным местом, чтобы переждать смену правительства, которое неизбежно приведет социалистов к власти в Испании. Лояльность к власти и обещание оставить штаб-квартиру в Лозанне стали для него предпосылкой к решению свои личных проблем.

После того как в июле 1980 г. Самаранч стал президентом, его связи с властями Лозанны окрепли. Доходы от продажи телевизионных прав продолжали расти, что позволило МОК приобрести недвижимость на долгосрочную перспективу. Кредит на «выгодных» условиях был получен, и дело пошло.

Шато де Види стал слишком тесен, и чтобы вместить всех сотрудников, были необходимы дополнительные помещения. В конце концов муниципалитет нашел виллу недалеко от Види, но вблизи скотобоен.

Олимпийский музей был закрыт, так как новые офисы разместились в Види. К тому же муниципальные архитекторы не позволили публике посещать Мон-Репо, который оказался на грани разрушения, и никакие другие площадки не были предложены взамен. В музее провели инвентаризацию, упаковали различные предметы и мебель,

С 1972 г. лорд Килланин (в центре) председательствовал в Шато де Види. Справа от него — директор МОК Моник Берлю
Фото Альберта Райтхаусена

принадлежащие Кубертену и отправили на хранение в ожидании лучших времен.

Самаранч хотел как можно скорее вновь открыть музей. Он арендовал здание недалеко от железнодорожного вокзала, которое было использовано в качестве помещения для временного музея. Он также решил передать туда архивные документы и фильмотеку, дав поручение сделать это швейцарцу Раймонду Гафнеру, члену МОК, который недавно вышел на пенсию с должности директора местной больницы. В то же время Женева предложила роскошные помещения, но президент не захотел даже осмотреть их.

Когда контроль над «Олимпийской солидарностью» был передан Ансельмо Лопесу, другу детства Самаранча, понадобилось еще больше офисных площадей. И, очень кстати, у одного из двоюродных братьев жены Самаранча, врача, жившего в Лозанне, оказалась подходящая недвижимость в аренду. Также его дочь стала секретарем Лопеса.

К тому времени, когда в 1985 г. я уходила из МОК, офисы были разбросаны в шести местах по городу, и чтобы доставлять документы из одного офиса в другой нужны были двое курьеров.

Для улучшения своего имиджа у местных жителей, Самаранч учредил должность личного советника «по швейцарским вопросам». Им стал молодой политик, ранее работавший советником в муниципалитете, который проиграл на последних выборах. Получая зарплату в МОК, он организовывал для Самаранча встречи с влиятельными людьми города и кантона и одновременно строил свою политическую карьеру, что позволило ему вскоре быть избранным государственным депутатом в кантоне Во. Было необходимо убедить тех граждан Лозанны, которые были против строительства вокруг Шато де Види, и уговорить экологов, которые не хотели ви-

деть парковые земли исковерканными, в то время, когда были доступны другие участки. Согласие было достигнуто.

Педро Рамирес Васкес, член МОК для Мексики и известный архитектор, вызвался оказать помощь в создании проектов для обновления штаб-квартиры. Однако местные законы не позволили иностранцу взять на себя эту ответственность, и сделка досталась архитектору, уроженцу Лозанны. После проведения замеров имеющейся в распоряжении площади, стало очевидно, что весь секретариат разместить не удастся. Часть персонала будет находиться в Уши, в трех километрах от того места, где МОК планировал за свой счет построить Олимпийский музей и Центр олимпийских исследований.

Самаранч открыл «кошелек МОК», чтобы осыпать милостями граждан Лозанны: в музее проводились передвижные выставки на швейцарскую тематику, молодежь кантона получила Олимпийскую неделю, Лозанна была номинирована в качестве «Олимпийской столицы», была проведена выставка во время ежегодной крупнейшей национальной ярмарки, известной как «Комтуар» (Comptoir — фр. прилавок).

Таким образом, Самаранч надеялся быть избранным почетным гражданином города, чего удостоился де Кубертен. Но город остался глух.

В 2014 г., по предложению его нынешнего президента Томаса Баха (Германия), сессия МОК одобрила строительство внушительного здания на площади в 2,4 га в парке, окружающем Шато де Види, где 1,8 га предназначалось для размещения офисов для 450 членов персонала, многочисленных конференц-залов и других помещений. Стоимость строительства оценивалась в 1 600 млн швейцарских франков. Спроектированное датской архитектурной фирмой, оно должно быть готово в 2018 г.